

УДК141.319.8

DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-4

Коваленко Н. Г.¹, Новое религиозное сознание
Алябьева С. В.² в поэтическом творчестве З. Н. Гиппиус

¹ Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
Петербургское шоссе, д. 2, Санкт-Петербург, г. Пушкин, 196601, Россия;
nataly6707@mail.ru

² Санкт-Петербургский государственный аграрный университет,
Петербургское шоссе, д. 2, Санкт-Петербург, г. Пушкин, 196601, Россия;
sveta.alabeva@yandex.ru

Аннотация. В настоящей работе рассматривается такое направление творческой деятельности представителей культуры Серебряного века, как разработка философии нового религиозного сознания. Авторы стремятся выявить роль феномена нового религиозного сознания в становлении как литературного творчества символистов, так и их социально-философских воззрений. Сам термин «новое религиозное сознание» был предложен старшими символистами и активно творчески использовался Дмитрием Мережковским и Зинаидой Гиппиус. Это соответствовало той задаче философского плана, что поставил Владимир Соловьев, – работать не только в сфере духовности, но и в социально-политической жизни современного им общества. При этом новые религиозно-мировоззренческие идеи рассматривались как разновидность идеологии, которая была бы способна освободить массовое сознание русских людей от влияния огосударствленной деятельности Православной церкви. Методологический подход, который реализуется в статье, можно определить как культурно-исторический, поскольку он дает возможность анализа диалогового взаимодействия различных представителей отечественного Серебряного века. Философские категории любви-эроса и любви как высшей духовной ценности стали основоположением нового религиозного сознания и творческой парадигмой столпов культуры Серебряного века: Толстого, Соловьева, Мережковского, Гиппиус и др.

Ключевые слова: культура Серебряного века; символизм как философско-мировоззренческое течение; идеология нового религиозного сознания; любовь как общечеловеческая ценность

Для цитирования: Коваленко Н.Г., Алябьева С.В. Новое религиозное сознание в поэтическом творчестве З. Н. Гиппиус // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2024. Т. 10. № 1. С. 40-52. DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-4

N. G. Kovalenko¹,
S. V. Alyabyeva²

New religious consciousness in the poetic work of Z. N. Gippius

¹ St. Petersburg State Agrarian University,
2 Peterburgskoe Hgw., Saint Petersburg, Pushkin, 196601, Russian Federation;
nataly6707@mail.ru

² St. Petersburg State Agrarian University,
2 Peterburgskoe Hgw., Saint Petersburg, Pushkin, 196601, Russian Federation;
sveta.alabeva@yandex.ru

Abstract. The present paper deals with such a theme of creative activity of the representatives of the Silver Age culture as the development of the philosophy of the new religious consciousness. The term "new religious consciousness" was proposed by the senior Symbolists and was actively and creatively used by Dmitry Merezhkovsky and Zinaida Gippius. The purpose of this article is to identify the role of the phenomenon of new religious consciousness in the formation of both the literary work of the Symbolists and their socio-philosophical views. It corresponded to the philosophical task set by Vladimir Solovyov – to work not only in the sphere of spirituality, but also in the socio-political life of his contemporary society. At the same time, new religious and worldview ideas were considered as a kind of ideology that would be able to free the mass consciousness of the Russian people from the influence of the state-sponsored activity of the Orthodox Church in Russia. The methodological approach, which is implemented in the article, can be defined as historical-cultural, as it provides an opportunity to analyze the dialogue interaction of various representatives of the Russian Silver Age. The philosophical categories of love-eros and love as the highest spiritual value became the foundation of the new religious consciousness and the creative paradigm of the Silver Age cultural pillars of Tolstoy, Solovyov, Merezhkovsky, Gippius and others.

Keywords: culture of the Silver Age; symbolism as a philosophical and ideological trend; ideology of new religious consciousness; love as a universal value

For citation: Kovalenko N. G., Alyabyeva S. V. (2024), "New religious consciousness in the poetic work of Z. N. Gippius", *Research Result. Social Studies and Humanities*, 10 (1), 40-52, DOI: 10.18413/2408-932X-2024-10-1-0-4

Введение

Акмеизм как одно из самых известных философско-литературных направлений культуры Серебряного века был ориентирован в социальном плане на индивидуализм и субъективность, что отчетливо отражалось в интроспективности произведений авторов данного течения. Однако в целом акмеизм не сумел решить все задачи, которые стояли перед ним (которые были по-

ставлены Гумилевым, Ахматовой, Городецким и др.). Философия творчества акмеистов, несмотря на органичное сочетание с их художественными работами, оставляла за собой проблемы, связанные с трактовкой понятия «мой акмеизм», то есть акмеизм того или иного автора. Таким образом, акмеисты в целом, обращаясь к античному понятию «акме», выражали свои общие стремления к ясности, точности, зрелости и

индивидуальности в поэтическом творчестве, но с особенностями субъективного характера. Камерность и «живописность» стиля акмеизма в этом отношении противоречили стремлению символистов к созданию «творцами действительности» (Соловьев, Вяч. Иванов, Мережковский, Гиппиус и др.) нового мировоззренчески-религиозного сознания. На это в свое время указывал Владимир Соловьев. В письмах В.С. Соловьева к его адресатам, как отмечал Н.О. Лосский, подчеркивалось, что монашество как идеал религиозного сознания уже не может выполнять ту высокую миссию, которую оно несло в прошлом, и что наступило время не уходить от мира, а вступать в него, чтобы преобразовывать его (Лосский, 1991: 126). В своих письмах Соловьев также акцентировал внимание на необходимости не только развития духовности, но и реального участия в жизни современного общества.

Эту точку зрения разделяли символисты, которые рассматривали «новое религиозное сознание» как силу, освобождающую от традиционной официальной православной веры и как новый этап в развитии духовности и социальности нации. Они считали, что это сознание может помочь преобразовать социум и создать новый мир, основанный на более высоких человеческих ценностях, не связанных только с материальным благополучием. Следовательно, Соловьев и символисты, в частности Вячеслав Иванов, Андрей Белый и Зинаида Гиппиус, акцентировали внимание на необходимости преобразования общества на основе приоритета духовных ценностей и наличия нового религиозного сознания, а не на изоляции в монашеском уединении.

Методология

Цель данной статьи состоит в анализе динамики отечественной культуры рубежа XIX-XX веков, которая в литературоведении и истории философии обозначается как культура Серебряного века. Методологически в статье широко используется культурно-исторический подход, историзм как

парадигмальная идея и представление об Я-субъективности, что характерно для поэтического отражения природного и социального. Авторы опираются на философское и культурное наследие художников слова Серебряного века, на современную исследовательскую литературу. Новизна работы заключается в стремлении рассмотреть феномен нового религиозного сознания в его диалоговой целостности, поскольку литературное творчество связано с особым статусом субъекта как творца и носителя бытия культуры. Достоверность в решении задач настоящей работы обусловлена широким использованием литературных и исследовательских источников.

Основная часть

С точки зрения акмеистов, высшей ступенью в иерархии социальных ценностей была культура, которая тождественна общечеловеческой памяти, поэтому мифологические сюжеты и образы стали столь частым элементом их творчества. В отличие от символистов, которые ориентировались на музыку, акмеисты были предельно заняты пространственными видами искусства, такими как архитектура, скульптура и живопись. Они стремились к трехмерному миру и не скрывали свое увлечение предметностью. И хотя акмеизм также сконцентрировался на реальной социальной действительности, он смог «преодолеть» символизм не столько в области общих идей, сколько в сфере поэтической стилистики. То есть акмеисты стали использовать более ясный, точный и конкретный поэтический язык, который напрямую обращался к жизни и к социальным проблемам своего времени. Именно поэтому они достаточно критически относились к символизму, к его сложной и многозначительной языковой символике, которая вносила в творчество элементы недопонимания и многозначной трактовки.

Символисты были очень заинтересованы в формировании «нового религиозного сознания», которое, по их представлениям, способно было освободить человека

от давящих формальностей и официоза православной веры и помочь ему обрести свободу мысли и духовную гармонию. Поэтому в творчестве Зинаиды Гиппиус, Андрея Белого и других символистов Церковь, культура, православие и русская история играли важную роль и, согласно их мнению, требовали существенного переосмысления.

В путевом дневнике «Светлое озеро» Зинаида Гиппиус пытается проникнуть в суть русской души через пристальное изучение особенностей народных обычаев и русских традиций. Она обращается к расширению сознания, с помощью которого можно воссоздать связь с народной культурой и духовным наследием предков. В ее произведениях часто встречаются образы российских земель и народные мотивы, которые становятся символами целого ряда значений: мистической тайны, коллективной культурной памяти, свободы духа и нравственной чистоты (Гиппиус, 2001: 312).

В статье Мережковского «Революция и религия» и его романе «Петр и Алексей» тоже затрагиваются вопросы религии, Православной церкви и ее роли в жизни современного русского человека. Мережковский использует антропологический подход к религии, который позволяет понимать ее как феномен культуры, связанный с целым рядом социальных и психологических факторов. Он считает, что настоящее религиозное сознание должно основываться на постижении собственной духовной природы, а не на следовании догматам Церкви. В своих произведениях он критически относится к официальному православию и призывает к поиску новых форм религиозной свободы (Мережковский, Гиппиус, Философов, 1999: 129).

Поэтическое звучание новых концептуальных идей было одной из главных причин привлекательности символизма для российской читательской публики в начале XX века. Символисты не только выражали свои идеи через конкретные образы, воспринимаемые чувственно, но и расширили

представления о религиозности и духовности. Они отвергали официальную Церковь в пользу поиска новых форм выражения религиозного опыта, опираясь при этом на идеологию старой веры (Шахов, 2006: 1013).

Поэзия является могущественным средством познания мира и человека. Она не только передает реальные человеческие эмоции и чувства, но и помогает расширять представления о мире и человеческой природе, активно используя при этом мифологические сюжеты. В то же время мифы являются формами символического выражения, которые могут описывать национальные культуры и традиции, а также универсальные темы, связанные с человеческим опытом. По убеждению знатока отечественного фольклора А. Потемни, мифы могут помочь человеку лучше понять самого себя и мир вокруг него, поскольку они содержат глубокие символические значения, которые отображают основные аспекты человеческого бытия и социального существования. Анализ мифологических символов может помочь раскрыть смысл жизни, разобраться в сложных эмоциях и переживаниях, а также привести к более глубокому пониманию культурных традиций и исторической памяти народов (Потемня, 2000).

Зинаида Гиппиус была одной из главных представительниц символизма, которая поставила перед собой задачу воплотить новое религиозное сознание в своих произведениях. Она стремилась доказать, что религия не должна быть связана только с реакционными и консервативными тенденциями (Гиппиус, 1999а: 166), а может быть прогрессивной и свободной. Одним из важных принципов Гиппиус было писать «понятно о непонятном» (Лавров, 1999: 26). Она считала, что литература должна быть доступной и внятной для читательской аудитории, даже если она затрагивает сложные и философские темы. Для этого она использовала яркие образы и символы, которые могли вызывать читательские эмоции и чувства и помогали бы лучше понять смысл

ее произведений. В этом аспекте творчество Гиппиус стало созвучным методологии герменевтики, а именно философской герменевтики, где термин «понимание» был и остается одним из основополагающих. Герменевтический подход к анализу любого культурного текста в условиях XX-XXI столетий становится одним из ведущих (Осинцева, 2022: 138; Коначева, 2023: 10).

Задача практической реализации нового религиозного сознания не была выполнена на рубеже XIX-XX веков, поскольку социально-исторические условия российского общества не способствовали его распространению. Гиппиус признавала, что ее стихи могут быть слишком своеобразными и однообразными, но это было связано с ее особым видением мира и принципом акцентации на понятии «воля» (Гиппиус, 1999а: 72). В ее поэтическом творчестве «воля» была одним из сущностных понятий, которое переплеталось с идеей свободы и самоопределения. Она отмечала, что религия должна помочь человеку осознать свою волю и направить ее на духовное развитие. Многие поэтические творения Гиппиус отражают не столько созерцание мира, сколько действенные оценки действительности и критику современных социальных явлений. Она не жалуется и не стонет о своей судьбе, а активно выражает свои мысли и взгляды на окружающий мир. Ее стихи были направлены на вызов существующей общественной системе и поддержание свободы духа, что связано с пониманием религии и духовности как основы личной свободы и самоопределения (Колобаева, 2000: 40).

После событий, произошедших в октябре 1917 года, Гиппиус было написано стихотворение «Дверь». В этом произведении поэтесса сделала собственную попытку осмыслить все произошедшее в России с точки зрения «покаяния» за совершившееся (Гиппиус, 1991: 75). Отметим, что в поэтическом произведении отсутствует излишняя эмоциональность, столь часто припи-

сываемая поэтическому творчеству. Ее поэзия отличается рациональностью и интеллектуальной оценочностью, что, кстати, не всегда воспринималось современниками положительно. Однако это легко объясняется волевой однонаправленностью поэтессы, и поэтому она избегает излишней эмоциональности в своих произведениях. Григорий Адамович, как и многие другие современники Зинаиды Гиппиус, оценивал ее творчество с изрядной долей сомнения. Он относился к ее стихам с пристрастием, однозначно не считал их поэзией, поскольку, по его мнению, в них отсутствовало то, что приписывается обычно поэтическим произведениям, – порыв, отказ от себя, творческое самозабвение и огонь (Адамович, 1996: 60).

Волевая направленность и отсутствие эмоциональной экспрессии в лирике Гиппиус объясняется ее философско-мировоззренческими взглядами на социальный мир и религию. Она не стремилась к эмоциональным переживаниям и не занималась самораскрытием, а все творческие усилия направляла на выражение волевых качеств себя как личности. Ее стихи были скорее проявлением активного мыслительного процесса, чем проявлением эмоциональных переживаний и чувств (Гиппиус, 1992: 137).

В своих первых поэтических опытах Зинаида Гиппиус фиксирует установки нового религиозного сознания, которые звучат крайне неприемлемо для мировосприятия православного человека. Она обосновывает идеи о любви к себе как к Богу и о необходимости доказательства некоего несуществующего на свете. Такое новое религиозное мировоззрение требовало от читателя не только сочувствия, но и содействия в распространении новых идей и представлений. Гиппиус была тем отечественным поэтом, которая одной из первых обратилась к созданию идеологии нового религиозного сознания, что требовало не только нового прочтения привычных христианских истин, но и кардинальных изменений в мышлении людей. В ее стихах звучали не-

обычные идеи, которые не всегда принимались публикой с пониманием. Касалось это, в частности, надежды на установление Царства Божьего на земле. Также в творчестве отражался личностный религиозный опыт поэтессы и, в частности, ее представления о Третьем пришествии. Для Гиппиус, как и для других символистов, религия и религиозное сознание индивида были неотъемлемой частью духовной культуры как социума в целом, так и отдельной личности. Надежда на новое пришествие Христа, которое приведет к установлению Царства Божия на земле, по ее убеждению, основывается исключительно на необходимости обновления духовной жизни всего человечества.

Поэтому одним из самых значимых понятий для Гиппиус была идея Третьего пришествия, которое она представляла как низвержение всех врагов Божьих, как преобразование мира и жизни будущих веков навечно. Это понятие было крайне важным для символистов, воспринимающих бытие России как духовную стагнацию, нуждающуюся в обновлении. Третье пришествие у Гиппиус соотносилось с Судным днем, когда произойдет разделение людей на праведников и грешников. Гиппиус считала, что для установления Царства Божия на земле необходимо как качественное обновление духовной жизни человечества, так и возвышение человеческой личности, Человека. Она верила в то, что каждый без исключения обязан осознать свою связь с божественным началом и поставить жизнь свою в зависимость от духовных ценностей. Только тогда произойдет обновление духовной жизни, а Царство Божие на земле станет реальностью (Лавров, 1999: 32).

Главное свойство молитвенных стихотворений Гиппиус заключается в конкретном содержании, которое ярко и определенно выражает насущные религиозные чувства. Она настолько точно передает сущность молитв, что их можно использовать в молитвенной практике, а чтение стихотворений затрагивает не только эстетиче-

ские, но и религиозные чувства. Молитвенные стихотворения Гиппиус вполне соответствуют духу исторического христианства, начального христианства первых веков его существования (Свенцицкая, 1989, 1981). Они выражают веру в божественную справедливость, духовное возрождение и обновление человека и показывают ее как важную часть жизни любого верующего. В стихотворениях Гиппиус проявилась глубокая религиозность, которая выражает суть ее творческого мировоззрения. Она верила в то, что связь с божественным началом и духовные ценности являются основой человеческой жизни и только через них можно достичь истинного благополучия (Гиппиус, 1999b: 107).

Исследователи творчества Гиппиус как в прошлом, так и сейчас подчеркивают молитвенный характер ее стихов; так, А.А. Измайлов подчеркивал, что «стихотворения поэтессы напоминают те молитвенные оды и гимны, которые пелись в древней христианской литургии, например, у Ефрема Сирина и Андрея Критского» (Измайлов, 1910: 233). Вместе с тем он указывал на неортодоксальность христианской трактовки в творчестве поэтессы, которое, по его мнению, есть «манихейство и гностицизм». Это связано с тем, что Гиппиус была вдохновлена не только христианскими заповедями, но и гностической философией, которая представляла собой смесь древних религиозных учений и философских теорий. В стихах Гиппиус можно увидеть те же мотивы, что и в гностических трактатах, например, идею о том, что человек является неким разъединенным ископаемым, а не единым целым, что существует разрыв между материальным и духовным миром, и что человек должен стремиться к духовному совершенству, чтобы достичь единения с божественной сущностью.

Гностицизм не поддерживался христианской церковью и противоречил догматике учения. Он, скорее, представлял собою смесь теософских систем, которые сформировались в первые века существования хри-

стианской религиозной догматики. Поэтому в гностицизме были столь сильны мотивы языческой (как восточной, так и эллинской) мудрости. В отличие от догматического христианства гностицизм признавал христианские данные, но обрабатывал их на языческий манер. Он также отрицал исторические корни христианства в иудаизме, религии еврейского народа как предшествовавшей религии Иисуса Христа. Помним, что историческим предшественником Иисуса был Иоанн, который вошел в христианство под титулом Креститель. Иоанн Креститель олицетворял первоначальное единство иудаизма как этнической религии Древнего мира и возникающего христианства как религии мирового значения, так называемого «иудеохристианства». Гностицизм внес в религиозный мир наследие македонян и римлян. Это смешение привело к возникновению новых религиозных и философских учений, которые отличались от христианства своей языческой основой и затрагивали темы, связанные с пантеизмом, дуализмом и индивидуализмом (Бонецкая, 2021: 105; Кирсанова, 2016: 20; Бахарь, 2021, Ахматов, 2022).

В поэзии Гиппиус можно выделить другую большую группу стихотворений, которые стали программными для всего нового религиозного сознания символистов. Среди них «Песня», «Посвящение», «К пруду», «Соблазн», «О вере». Некоторые стихотворения Гиппиус, которые она представляла при подготовке к печати своего первого сборника, были пронизаны критикой исторической христианской церкви, позиций аскетизма и отшельничества. Они выражали ее убеждение в том, что связь с божественным началом и духовные ценности являются основой человеческой жизни и только через них можно достичь истинного совершенства. Поэтесса также весьма критически относилась к церковной иерархии Русской православной церкви, и формальной, с ее точки зрения, религиозной практике, считая их лишены духовности и истинного богопознания (Гиппиус, 1999а: 103).

Поиски новой религии, считала Гиппиус, связаны с выходом из индивидуалистического самоопределения. Это путь к обретению единства «правды о небе» и «правды о земле». Строфы из стихотворения «Другой христианин» дают представление о внутреннем мире тех людей, которые не могли обрести истинной веры и благодаря которым Гиппиус пыталась убедить новые поколения в необходимости создания новой религии и новой Церкви:

Посты и вериги
Не Божий завет,
Христос, в твоей книге
Прошенье и свет (Гиппиус, 1999b: 77).

Для Гиппиус сохранение целостности бытия и преодоление разорванности индивидуализма возможно только через христианскую веру, но с поправкой на возврат человеческой личности к Богу. Новое религиозное сознание – это не только возврат к Богу, но и новое отношение к Богу, поиск нового Христа, лишённого смирения и покорности судьбе. Гиппиус представляет Небо уже не как безусловный символ Божественного, но как опустевшее и замещенное иными силами. В некоторых ее стихотворениях можно увидеть звучание ницшеанских мотивов, которые указывают на ее критически-ироническое отношение к христианской традиции. Она высказывает пожелание пересмотреть традиционные представления о Боге и предлагает новый взгляд на религиозные ценности (Левандовская, 2015: 123; Боков, 2015: 67).

В своей поэзии Гиппиус отражает свободное отношение к традиционным религиозным установкам и пропагандирует открытость к новым взглядам на мир и человеческую жизнь. Она призывает к объединению духовных ценностей с реальным миром и божественным началом, чтобы сохранить целостность бытия (Гиппиус, 1999а: 176). У Ницше лозунг «Бог умер» означает не только преодоление Бога, но и новый взгляд на религиозные ценности и мир человеческой жизни. В поэзии Гиппиус также присутствует стремление объединить инди-

видуальность и общезначимые религиозные начала. Ее поэзия предельно подвижна. В ней есть бунтарство личности и эгоцентризм, которые, однако, уравниваются религиозно-мистической направленностью стихотворных метафор и символов. Данное сочетание приводит к появлению у человека нового религиозного сознания и свежего взгляда на ценности человеческой жизни. У Гиппиус сохраняется желание объединить духовные ценности и реальный мир в целостный образ, который преодолевает индивидуализм и олицетворяет диалог между противоположными началами (Лавров, 1999: 41).

Литературные работы Гиппиус в прозе отличаются от ее поэтических произведений. В них сильнее проявляются сценарий идеи, философско-концептуальные парадигмы. Поэтому, по мнению Н.А. Бердяева, в прозе Гиппиус смысл превалирует над жизнью (Бердяев, 1910: 153). В ее произведениях персонажи озабочены поиском «Святой плоти». Другими словами, проблемой философского характера, состоящей в нахождении единства «духовной святости и жизни пола, неба и земли, христианства и язычества» (там же). Это полностью соответствует умонастроению старших символистов по поводу того, что только люди с новым религиозным сознанием могут жить в новом обществе, в котором основой является не экономика, а Дух. Данная парадигмальная конструкция последовательно прослеживается в прозе Гиппиус. Автор показывает, что новое религиозное сознание не может быть отделено от повседневной жизни и должно затрагивать все аспекты бытия, включая личные отношения и сексуальность. Характерно это и для рассказа «Небесные слова», который особенно типичен по своей тематике и идейному содержанию. Главный герой рассказа, Иван, с детства испытывал желание соединить «землю» и «небо» в едином целом и понимал, что будущее человечества возможно только в таком объединении. В зрелом возрасте Иван находит единомышленников, которые разделяют его идеи, и вместе они

посвящают себя реализации этого идеала в реальной жизни. Они понимают, что небо пригрело их своей лаской не только для спасения их лично, но и для спасения Божьего дела, для перестройки и преобразования общества на новых религиозных позициях. Рассказ «Небесные слова» является ярким примером тематического многообразия произведений Гиппиус, в которых она стремилась создавать образ новой религии, способной преодолеть разрыв между землей и небом, реализовать духовное единство и обращение к Богу как новую основу жизни и общественного устройства (Гиппиус, 2001: 164).

Рассказ «Сумасшедшая» (Гиппиус, 2001: 194) также является показательным примером тематического многообразия произведений Гиппиус, в которых на первый план выходят те проблемы, которые были связаны с философскими поисками и социальными конфликтами российской истории. Главный герой рассказа живет по гуманным принципам философии позитивизма, не верит в Бога и считает, что люди должны заниматься просвещением, чтобы нести добро другим. Однако возникает мировоззренческий конфликт между ним и его женой Верой, которая не мыслит свою жизнь без веры и пробует доказать мужу и его сестре губительность их жизненного пути. Итогом этого конфликта становится гибель самой Веры. В этом рассказе Гиппиус налицо известный конфликт между наукой и религией, позитивизмом и верой. Она показывает, что научные знания и интеллектуальное развитие могут стать причиной озлобления и гибели духовно нестойких людей. Такой подход напоминает идею Л.Н. Толстого о необходимости возвращения к простым истинам жизни и отказа от рационализма и ложного разума.

Для Толстого «новое религиозное сознание» – это не только возрождение религии или сближение интеллигенции с Православной церковью, но и желание глубоко преобразовать сам строй христианской жизни и социального бытия России. Он ис-

кал новую Церковь и новую веру и переосмысливал христианские догматы. Одно из основоположений учения христианства – Троичность – не укладывалось в его представления о вере. Он видел в этом трудноразрешимое противоречие диалектического характера. Толстой считал, что воля Бога должна выражаться более ясно и понятно для людей, а для этого нужно пересмотреть саму концепцию религиозной веры. Он доказывал, что учение Иисуса Христа лучше всего выражает волю Бога и настоятельно пропагандировал это учение (Толстой, 1984: 206).

Критика Толстым догматики православия привела к его отлучению от Русской православной церкви, но его духовные убеждения оказали огромное влияние на развитие духовной культуры и общественного сознания в России. Его идеи об отказе от насилия, пропаганде любви и сострадания, отказе от частной собственности и стремлении к равенству вдохновили множество людей по всему миру, в том числе и в России. Влияние Толстого на художественную и культурную среду проявилось как в международных кругах интеллигенции, так и среди российских писателей и художников, которые стали рассматривать свое творчество как созидательный процесс во имя любви и истины, близкий к религиозному вдохновению.

Образы «души», «слова» и «Бога» были важными символами, которые легли в основу творчества старших символистов и многих деятелей Серебряного века в России. Понятие «души» было центральным для поэзии и прозы Зинаиды Гиппиус. Для нее «душа» была символом сознания и сути глубокого внутреннего мира человека, его сущности, которая соединяла в себе разные начала и противоречия. Это была часть человека, где находился Бог, и где существовали все его скрытые тайны и потаенные творческие возможности. «Душа» была также содержательным религиозным понятием, символом связи человека с Богом и путем преодоления безверия, отчаяния и пессимизма. Гиппиус верила, что без Бога

человек чувствует покинутость в мире и не может найти свое место в жизни (Pakhmuss, 1972: 464).

Любовь также была одной из важнейших тем в культуре Серебряного века, и особенно в символизме, в котором она трактовалась как метафизическое понятие, превышающее рамки индивидуального эгоизма и возвышающееся над формальным равенством. В творчестве Гиппиус и других старших символистов любовь была провозглашена как высшая духовная ценность, которая объединяет людей и позволяет им достичь всеединства (Емельянов, Новиков, 1995: 172).

Философия любви Вл. Соловьева, одного из важнейших представителей философии Серебряного века, была направлена на признание приоритета духовной любви (Соловьев, 2021). В его трактовке, любовь должна помочь двум индивидуумам стать единым существом, которое выходит за рамки лично-индивидуального. Он считал, что физическое соединение стоит на пути к достижению этой цели, и что любовь как чувство должна стать нравственным долгом, который возвышает ее до приоритетности в ценностях традиционализма. Однако, по Соловьеву, любовь должна объединять людей не только на физическом уровне, но и на уровне духовном. В его философии любовь представляла собой инструмент, который помогал достигнуть всеединства, превосходящее индивидуальное. Он доказывал, что только любовь может помочь преодолеть свойство эгоцентризма и достичь гармонии в мире. Соловьев также указывал на то, что физическое слияние не является решающим фактором в достижении гармонии. Вместо этого он призывал к преодолению стереотипов мышления и к образованию новой ментальности, основанной на высшей духовной любви, которая объединяет людей и позволяет им достичь всеединства (Соловьев, 1988: 511.)

Для Гиппиус вопрос любви был одним из центральных в парадигме нового религиозного сознания. Она вдохновлялась идеями Василия Розанова (Кожурин, 2015:

158) и Владимира Соловьева, которые раскрывали философию эроса и представляли любовь как высшую духовную ценность. В своих статьях и эссе она часто обращалась к вопросам пола и любви, пытаясь понять их метафизическую сущность и роль в жизни человека. Поэтесса в этом случае использовала русскую философскую традицию, представленную новым религиозным сознанием символистов, и применяла ее к своим исследованиям. Особенно важным был для нее вопрос любви, который она рассматривала как путь к достижению единства и гармонии в жизни человека. Она призывала к преодолению эгоизма и к поиску высшей духовной любви, которая поможет найти свое место в жизни и достичь всеединства.

В ее творчестве вопрос любви был связан с решением триединой задачи: о личности, личной любви и обществе. Она считала, что только любовь дает безусловное принятие Другого как личности. По мнению Гиппиус и Соловьева, любовь имеет силу преодоления эгоцентризма личности и помогает узнать истину другого человека, а также свою собственную истину и свое безусловное значение. Любовь, по их мнению, способна привести к осуществлению идеала единения, которое не только объединяет души, но и духовно преобразует людей. Гиппиус подчеркивала в своих работах, что даже в самом счастливом браке тело и душа человека могут тосковать об идеальном. Идеальное и возвышенное есть нечто иное, сравнимое с победой над смертью. Два русских поэта были едины в представлении о пути любви как любви богочеловеческой, пути восхождения к Богу. В глубине любви человек может найти свои высшие смыслы и достичь идеального единства, которое позволит ему преобразовать мир (Русский эрос..., 1991: 191).

В своей статье «Влюбленность» (1904) Гиппиус толкует понятие любви с позиции неохристианства и утверждает, что истинная любовь отрицает все формы телесных соединений и не стремится к плотскому удовлетворению. Она считает,

что любовь должна устранить саму проблему пола. Любовные переживания людей возвышают их на высоты духовности и это есть наиболее благоприятный путь к достижению счастья (Русский эрос..., 1991: 178). В работе «Великий путь» (1914) Гиппиус определяет также место идеала любви в христианстве и новом религиозном сознании. Она обосновывает мнение, что историческое христианство есть только часть этой великой религии, истинного Христианства. Сутью последнего является личная вера в Одну Божественную личность: Бога Отца, Бога Сына и Святого Духа, поэтому Церковь и церковная жизнь должны обладать безусловной духовной свободой (Гиппиус, 1914: 13).

Выводы

Подводя итог, отметим, что, во-первых, в центре философии символизма Зинаиды Гиппиус всегда стояла любовь, которая для нее была ключом к преодолению противоречий между индивидуальностью и общественностью, Я и Мы, личностью и социумом. Новое религиозное сознание в ее трактовке представляло собой мост, который соединял эти сферы. В узкой трактовке концепция нового религиозного сознания отражала абсолютный философский поиск смысла жизни русского человека.

Во-вторых, Гиппиус в своей философии символизма опиралась на русскую философскую традицию, в частности на идеи Владимира Соловьева, и развивала их, применяя к вопросу любви и определению места личности в обществе. Она считала, что только любовь может помочь преодолеть эгоизм индивидуализма и обрести идеальное единство.

И, в-третьих, Гиппиус развивала свой подход к любви как к высшей духовной ценности, способной преодолеть противоречия между духом и телом и помочь человеку достичь идеала единения и преобразования мира. Ее взгляды стали важным элементом нового религиозного сознания символистов и оказали значительное влияние

на культурную и философскую среду России в начале XX века, а также не утратили своего влияния и сегодня.

Литература

Адамович, Г. Одиночество и свобода. М.: Республика, 1996. 447 с.

Ахматов, В.В. Феномен вероотступничества в раннехристианской историко-культурной традиции: автореферат дис. ... канд. филос. наук. Томск: ТГУ, 2022. 33 с.

Бахарь, С.А. Память и мнемотехники в античном гностицизме: дисс. ... канд. филос. наук. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2021. 169 с.

Бердяев, Н.А. Духовный кризис интеллигенции: статьи по общественной и религиозной психологии (1907–9 г.). СПб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1910. 304 с.

Боков, Г.Е. Философское наследие Фридриха Ницше и теология «смерти Бога» // Философский журнал. 2015. Т. 8. № 1. С. 67-87.

Бонецкая, Н.К. Н.А. Бердяев: мистик, гностик, экзистенциалист // Вестник культурологии. 2021. № 1 (96). С. 105-139.

Гиппиус, З.Н. Письма к П. Перцову // Русская литература. 1992. № 1. С. 134-157.

Гиппиус, З.Н. Собрание сочинений. Т. 3. Алый меч: Повести. Рассказы. Стихотворения. М.: Русская книга, 2001. 575 с.

Гиппиус, З. Дверь // Серебряный век. Петербургская поэзия конца XIX – начала XX в. Л.: Лениздат, 1991. С. 75.

Гиппиус, З.Н. Великий Путь // Голос жизни. 1914. № 7. С. 13-17.

Гиппиус, З.Н. Дневники: В 2 кн. Кн. 1 / вступ. ст. и сост. А.Н. Николукина. М.: Интелвак, 1999. 732 с. (а)

Гиппиус, З.Н. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999. 592 с. (b)

Емельянов, Б.В., Новиков, А.И. Русская философия серебряного века: Курс лекций. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1995. 284 с.

Измайлов, А.А. Помрачение божков и новые кумиры. Книга о новых веяниях в литературе. М.: Тип. т-ва И.Д. Сытина, 1910. 251 с.

Кирсанова, Я.А. Осмысление смерти в раннехристианской традиции // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2016. Т. 16. № 1. С. 20-22.

Кожурин, А.Я. Трактровка телесности в работах мыслителей Серебряного века

(В.В. Розанов, Д.С. Мережковский, Вяч. И. Иванов) // Метаморфозы телесности: Сб. статей / под ред. И.В. Кузина. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. С. 158-179.

Колобаева, Л.А. Русский символизм. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. 296 с.

Коначева, С.А. Понимание и предпонимание в теологической герменевтике // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2023. № 1. С. 10-30. DOI 10.28995/2073-6401-2023-1-10-30

Лавров, А.В. З.Н. Гиппиус и ее поэтический дневник // Гиппиус, З.Н. Стихотворения. СПб.: Академический проект, 1999. 592 с.

Левандовская, Е.Н. О роли понятия культуры в философии Ницше // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2015. № 1. С. 123-129.

Лосский, Н.О. История русской философии. М.: Высш. шк., 1991. 559 с.

Мережковский Д., Гиппиус З., Филосовов Д. Царь и революция: Сб. / первое русское издание под редакцией М.А. Колерова. М.: ОГИ, 1999. 224 с.

Осинцева, Н.В. Герменевтика как методологический инструмент в образовательном процессе: проблема понимания // Знание. Понимание. Умение. 2022. № 1. С. 138-148. DOI 10.17805/zpu.2022.1.11

Потебня, А.А. Из записок по теории словесности: В 3 т. Т. 3. Харьков: Изд-во М.В. Потебни, 1905. 652 с.

Потебня, А.А. Символ и миф в народной культуре: Собр. тр. М.: Лабиринт, 2000. 479 с.

Русский эрос, или Философия любви в России: Сб. / сост. и авт. вступ. ст. В.П. Шестаков; коммент. А.Н. Богословского. М.: Прогресс, 1991. 443 с.

Свенцицкая, И.С. Раннее христианство: страницы истории. М.: Политиздат, 1989. 335 с.

Свенцицкая, И.С. Тайные писания первых христиан. 2-е изд. М.: Политиздат, 1981. 288 с.

Соловьев, В.С. Сочинения: В 2 т. Т. 2 / общ. ред. и сост. А.В. Гулыги, А.Ф. Лосева; примеч. С.Л. Кравца и др. М.: Мысль, 1988. 822 с.

Соловьев, В.С. Оправдание добра. СПб.: Азбука-Аттикус, 2021. 770 с.

Толстой, Л.Н. Ответ на определение Синода от 20-22 февраля и на получение мною по этому поводу письма // Толстой, Л.Н. Собр. соч.: В 22 т. Т. 17. М.: Худож. лит., 1984. С. 199-207.

Шахов, М.О. Старообрядчество, старовере // Религиоведение: Энциклопедический словарь. М.: Академический проект, 2006. С. 1013-1014.

Pachmuss, T. (ed.) *Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippus*. München: Fink, 1972. 784 p.

References

Adamovich, G. (1996), *Odinochestvo i svoboda* [Loneliness and freedom], Respublika, Moscow, Russia (in Russ.).

Akhmatov, V. V. (2022). "The phenomenon of apostasy in the early Christian historical and cultural tradition", Abstract of Ph.D. dissertation, Tomsk State University, Tomsk, Russia (in Russ.).

Bakhar, S. A. (2021), "Memory and mnemotechnics in ancient Gnosticism", Ph.D. Thesis, Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Berdyayev, N. A. (1910), *Dukhovny krizis intelligentsii: statyi po obshchestvennoy i religioznoy psikhologii (1907–9 g.)*. [Spiritual crisis of intellectuals: articles on social and religious psychology (1907-1909)], Printing house of the partnership "Obshchestvennaya pol'za", Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Bokov, G. E. (2015), "The philosophical heritage of Friedrich Nietzsche and the theology of the 'death of God'", *Philosophy Journal*, 8 (1), 67-87 (in Russ.).

Bonetskaya, N. K. (2021), "N. A. Berdyayev: mystic, gnostic, existentialist", *Herald of Culturalogy*, 1, 105-139 (in Russ.).

Emelyanov, B. V. and Novikov, A. I. (1995), *Russkaya filosofiya serebryanogo veka* [Russian Philosophy of the Silver Age], Ural University Publishing House, Ekaterinburg, Russia (in Russ.).

Gippius, Z. (1991), "Door", *Serebryany vek. Peterburgskaya poeziya kontsa XIX – nachala XX v.* [Silver Age. Petersburg poetry of the late 19th and early 20th century], Lenizdat, Leningrad, USSR, 75 (in Russ.).

Gippius, Z. N. (1999b), *Stikhotvoreniya* [Poems], Akademicheskyy proekt, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Gippius, Z. N. (1914), "The Great Path", *Golos zhizni* [The Voice of Life], 7, 13-17 (in Russ.).

Gippius, Z. N. (1992), "Letters to P. Pertsov", *Russkaya Literatura* [Russian literature], 1, 134-157 (in Russ.).

Gippius, Z. N. (1999a), *Dnevniki: V 2 kn. Kn. 1* [Diaries: in 2 books. Book 1], Intelvak, Moscow, Russia (in Russ.).

Gippius, Z. N. (2001), *Sobranie sochineniy. T. 3: Aly mech: Povesti. Rasskazy. Stikhotvoreniya* [Collected Works. Vol. 3: The Scarlet Sword: Narratives. Stories], Russkaya kniga, Moscow, Russia (in Russ.).

Izmaylov, A. A. (1910), *Pomrachenie bozhkov i novye kumiry. Kniga o novykh veyaniyakh v literature* [The darkening of the gods and new idols. A book about new trends in literature], Printing House of the I. D. Sytin partnership, Moscow, Russia (in Russ.).

Kirsanova, Ya. A. (2016), "Comprehension of death in the early Christian tradition", *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 16 (1), 20-22 (in Russ.).

Kolobaeva, L. A. (2000), *Russkiy simvolizm* [Russian Symbolism], Moscow University Press, Moscow, Russia (in Russ.).

Konacheva, S. A. (2023), "Understanding and Pre-understanding in theological hermeneutics", *RSUH/RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*, 1, 10-30 (in Russ.).

Kozhurin, A. Ya. (2015), "The treatment of corporeality in the works of Silver Age thinkers (V. V. Rozanov, D. S. Merezhkovsky, Vyach I. Ivanov)", *Metamorfozy telesnosti: Sb. statey* [Metamorphoses of physicality: Collection of articles], RHGA Publishing House, St. Petersburg, Russia, 158-179 (in Russ.).

Lavrov, A. B. (1999), "Z. N. Gippius and her poetic diary", *Gippius, Z. N., Stikhotvoreniya* [Poems], Akademicheskyy proekt, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Levandovskaya, E. N. (2015), "On the role of the concept of culture in Nietzsche's philosophy", *Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 1, 123-129 (in Russ.).

Lossky, N. O. (1991), *Istoriya russkoy filosofii* [History of Russian Philosophy], Vysshaya shkola, Moscow, Russia (in Russ.).

Merezhkovsky, D., Gippius, Z. and Filosofov, D. (1999), *Tsar' i revolyutsiya* [The Tsar and the Revolution], First Russian edition, in Kolerov, M. A. (ed.), United Humanitarian Publishing House, Moscow, Russia (in Russ.).

Osintseva, N. V. (2022), "Hermeneutics as a methodological tool in the educational process: the problem of understanding", *Knowledge. Understanding. Skill*, 1, 138-148 (in Russ.).

Pachmuss, T. (ed.) (1972), *Intellect and Ideas in Action. Selected Correspondence of Zinaida Hippisus*, Fink, München, Germany (in Eng.).

Potebnya, A. A. (1905), *Iz zapisok po teorii slovesnosti: V 4 t., T. 3* [From notes on the theory of diction: In 4 vols. Vol. 3], Publishing House of M. V. Potebnya, Kharkiv, Russia (in Russ.).

Potebnya, A. A. (2000), *Simvol i mif v narodnoy kul'ture* [Symbol and myth in folk culture], Labirint, Moscow, Russia (in Russ.).

Russkiy eros, ili Filosofiya lyubvi v Rossii (1991) [Russian Eros, or Philosophy of Love in Russia], Progress, Moscow, Russia (in Russ.).

Shakhov, M. O. (2006), "Old Believership, Old Belief", *Religiovedenie: Entsiklopedicheskiy slovar* [Religious Studies: An Encyclopedic Dictionary], Akademicheskii proekt, Moscow, Russia, 1013-1014 (in Russ.).

Solovyov, V. S. (1988), *Sochineniya: V 2-kh tomakh. T. 2.* [Works: In 2 volumes. Vol. 2], in Guliga, A. V., Losev, A. F. (eds), *Mysl'*, Moscow, USSR (in Russ.).

Solovyov, V. S. (2021), *Opravdanie dobra* [Justification of the Good], Azbuka-Attikus, Saint Petersburg, Russia (in Russ.).

Sventsitskaya, I. S. (1981), *Taynye pisaniya pervykh khristian* [Secret writings of the first Christians], Politizdat, Moscow, USSR (in Russ.).

Sventsitskaya, I. S. (1989), *Ranee khristianstvo: stranitsy istorii* [Early Christianity: pages of history], Politizdat, Moscow, USSR (in Russ.).

Tolstoy, L. N. (1984), "Response to the definition of the Synod of 20-22 February and on the receipt of my letter on this occasion", *Sobraniye Sochineniy: V 22-kh t. T. 17* [Collected works: In 22 volumes. Vol. 17], Khudozhestvennaya literatura, Moscow, Russia, 199-207 (in Russ.).

Информация о конфликте интересов: авторы не имеют конфликта интересов для деклараций.

Conflict of Interests: the authors have no conflict of interests to declare.

ОБ АВТОРАХ:

Коваленко Наталья Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра иностранных языков и культуры речи, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Петербургское шоссе, д. 2, Санкт-Петербург, г. Пушкин, 196601, Россия; *nataly6707@mail.ru*

Алябьева Светлана Валериевна, кандидат философских наук, доцент, кафедра философии и социально-гуманитарных наук, Санкт-Петербургский государственный аграрный университет, Петербургское шоссе, д. 2, Санкт-Петербург, г. Пушкин, 196601, Россия; *sveta.alabeva@yandex.ru*

ABOUT THE AUTHORS:

Natalya G. Kovalenko, PhD in Philosophy, Assistant Professor, Department of Foreign Languages and Culture of Speech, St. Petersburg State Agrarian University, 2 Petersburg Hgw., Saint Petersburg, Pushkin, 196601, Russian Federation; *nataly6707@mail.ru*

Svetlana V. Alyabyeva, PhD in Philosophy, Assistant Professor, Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, St. Petersburg State Agrarian University, 2 Petersburg Hgw., Saint Petersburg, Pushkin, 196601, Russian Federation; *sveta.alabeva@yandex.ru*